



Title	Восприятие русской эмигрантской литературы начала XX в. в Японии
Author(s)	МОТИДЗУКИ, Цунэко
Citation	辺境と異境：非中心におけるロシア文化の比較研究（基盤研究（B）研究成果報告書），（3），75-80
Issue Date	2012-05-15
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/51994
Type	journal article
File Information	2012-1-2. pdf



Восприятие русской эмигрантской литературы начала XX в. в Японии¹

МОТИДЗУКИ Цунэко

1. Русские эмигранты в Японии

Октябрьская революция 1917 года и последовавшая за ней Гражданская война вызвали огромный поток эмиграции из России, численность которой, по некоторым сведениям, составила до 2-х млн человек. Русские эмигранты рассеялись по всему миру, осев в разных странах Европы, Северной и Южной Америке и в Китае, – это явление получило название «Белой эмиграции». Небольшое количество русских эмигрантов оказалось и в Японии. Согласно статистическим данным Статистического агентства кабинета министров, в 1917 г. в Японии проживало 439 российских эмигрантов, а пик их численности в период до начала Второй мировой войны пришелся на 1930 г. и составил 1666 человек. Кроме того, были люди, не зарегистрированные официально или находившиеся в Японии проездом по пути в другие страны, поэтому предположительно наибольшее количество белоэмигрантов в Японии составило 2000 человек. Конечно, при общих масштабах эмиграции это весьма скромное количество не идет ни в какое сравнение не только с европейскими странами, в частности, с Францией и Германией, но даже и с Китаем. Легко догадаться, что выходцы из России предпочитали Японии другие страны из-за слишком большой разницы в культуре и образе жизни, трудности трудоустройства и языкового барьера. Японские исследователи утверждают, что в период с начала 20-х гг. до сентября 1923 г., когда произошло Большое землетрясение Канто, в порту Иокогама ежемесячно высаживалось от 100 до 200 российских

¹ Перевод этой статьи на китайском языке был опубликован в китайском научном журнале «俄羅斯文芸» (Русская литература и искусство). 望月恒子「20世紀初期日本对中国俄僑文学的認知」楊雷訳,「俄羅斯文芸」2012年01期2012, 31-33頁.

эмигрантов. Среди огромной массы людей, валившей в Америку через Японию, лишь редкими исключениями становились те, кто находил свой приют в Японии.

Однако здесь стоит заметить, что для довоенной Японии, где проживало крайне мало иностранцев, русская диаспора, численность которой превосходила 1000 человек, являлась самой многочисленной. Эта картина резко контрастирует с ситуацией в современной Японии, где на постоянной основе проживает более 2-х млн иностранцев. Среди осевших в Японии русских были представители самых разных областей деятельности, и в этом плане довоенная история российской эмиграции в Японии была детально исследована. Лучшие деятели культуры – пианисты, скрипачи, оперные певцы, балетные танцовщики – привнесли в Японию лучшие достижения европейской культуры, и в этом их роль трудно переоценить. Но вот в эмигрантской литературе ситуация сложилась совсем иная.

2. Литература русской европейской эмиграции и Япония

С наступлением эпохи Мейдзи, ознаменовавшей начало модернизации Японии, здесь, как и во всем мире, русская литература стала пользоваться огромной популярностью. Область художественного перевода чрезвычайно развита в Японии, и, в частности, русскоязычную область отличает большое количество переводов, выполненных на высочайшем уровне. Однако начиная с 20-х гг. XX века в русскоязычной области здесь преобладал в основном интерес к произведениям советской литературы. Как известно, литература первой волны русской эмиграции процветала прежде всего в Берлине, Париже и Праге. А вот в довоенной Японии с литературой русской эмиграции были плохо знакомы даже специалисты.

Следует отметить, что в первой половине 20-х гг., в отличие от более позднего времени, у японских русистов была возможность читать русскоязычную эмигрантскую литературу благодаря попадавшим в Японию журналам и книгам, изданным в Берлине. В 1920-23 гг. в Берлин хлынул огромный поток эмигрантов, и в какой-то момент численность русской диаспоры достигла там 500 тыс. человек. В Берлине в эти годы во многих отношениях чувствовалось прямое влияние России и СССР. Что касается литературы, то в этот период еще не была проведена разграничительная линия между официальной советской и эмигрантской литературой. В Берлине писатели эмиграции Ремизов, Ходасевич, Зайцев и др. тесно общались и занимались литературной деятельностью вместе с вернувшимися позже в СССР

Белым, Шкловским и др. В этом городе бывали Маяковский и Есенин, здесь они выступали на публичных чтениях. Здесь не только лично бывали русские писатели, но и процветала издательская деятельность: действовали как созданные русскими эмигрантами многочисленные издательства, так и филиалы советских издательств, открытые за рубежом после введения в СССР НЭПа. Издаваемая там литература попадала в Японию, и то, что японцы были с ней знакомы, является неоспоримым фактом. Таким образом, можно утверждать о проникновении в Японию в 1923-24 гг. зарубежной русской литературы.

Во второй половине 1920-х гг. политический и культурный центр русской эмиграции полностью переместился в Париж, в результате чего созданная там литература полностью выпала из поля зрения японцев: в Японии надолго пропал интерес к русскоязычным произведениям, не входившим в круг официальной советской литературы. Этот факт ярко демонстрирует один пример: по случаю присуждения в 1933 г. Бунину нобелевской премии японские газеты в своих репортажах называли его известным *советским* писателем². Эту ошибку, конечно, исправили, однако и в дальнейшем в газетных статьях, написанных знаменитыми японскими русистами, не встречалось упоминаний о произведениях Бунина периода его эмиграции, которые и стали главной заслугой писателя, сделавшей его нобелевским лауреатом. О нем писали как об авторе поэтического сборника «Листопад», написанного им в молодости, а также повести 1910 года «Деревня», то есть произведений дореволюционного времени. Творческий потенциал Бунина, уехавшего из России в 50-летнем возрасте, не ослабевал, в эмиграции он написал такие замечательные произведения, как повесть «Митина любовь» и роман «Жизнь Арсеньева». В наше время является общепризнанным фактом то, что свои лучшие произведения он написал именно в эмиграции. А вот в Японии эта часть его творчества оставалась неизвестной. В то время японские газеты писали, что Бунин бежал из России во время революции, и в своих стихах и рассказах выражал болезненное неприятие советской власти³; что, несмотря на получение Нобелевской премии, поэт Бунин для России давно умер⁴. Одна газета прямо написала, что, кроме Бунина, в Советской России полно других писателей, достойных стать нобелевскими лауреатами⁵. Таким образом,

² Ёмиури-симбун, 10 ноября 1933, С.7.

³ Токио-Асахи-симбун, 11 ноября 1933, Вечерняя газета, С.2.

⁴ Токио-Асахи-симбун, 16-18 ноября 1933, С.9.

⁵ Ёмиури-симбун, 12 ноября 1933, С.4.

литература русской европейской эмиграции, ярчайшим представителем которой является Бунин, для Японии того времени не существовала.

После 1960 г. в Японии наконец появились переводы Бунина, и это было связано прежде всего с реабилитацией и переоценкой творчества Бунина в СССР. Пока у нас нет достоверных фактов о том, что в период с 1925 по 1940 гг. в Японию напрямую проникала информация о творческой деятельности писателей русской эмиграции и издаваемых ими произведениях.

3. Литература русской эмиграции в Китае и Япония.

В отличие от Японии, в Китае, исторически имевшем тесные связи с Россией (например, благодаря строительству КВЖД), осело большое количество русских эмигрантов. Считается, что в 1940 г. численность русских, проживавших на северо-востоке Китая в Маньчжурии, составляла около 60 тыс. человек, что не идет ни в какое сравнение с масштабами русской эмиграции в Японии. Между китайской и японской диаспорами существовали тесные связи: так, в издававшемся в Харбине иллюстрированном еженедельном журнале «Рубеж» (1926-45 гг.) публиковались материалы о русской эмиграции в Японии и о русских, посетивших Японию.

В результате японской интервенции в Китае японцы стали контактировать с проживавшими там белоэмигрантами и познакомились с произведениями эмигрантской литературы. Особенно прославился в Японии русский писатель Николай Байков (1872-1956), воспевший природу и животный мир Маньчжурии. Япония, несомненно, стремилась использовать в своих целях популярность Байкова для создания образа Маньчжоу-го как государства, в котором мирно сосуществуют разные народы. Подтверждением этому может служить то, что Байков представлял Маньчжоу-го на съезде писателей «Великой Восточной Азии» в 1942 г. в Токио. С другой стороны, несомненным является и тот факт, что произведения Байкова действительно нравились японским читателям. Его выдающаяся повесть «Великий Ван», посвященная истории тигра, легендарного владыки тайги, неоднократно переводилась на японский язык по крайней мере в 5-ти вариантах и издавалась в Японии в 1941, 1943, 1952, 1969 и 1989 годах, более того, все варианты переводов продолжали переиздавать в различных сборниках и после поражения Японии в войне. Существует также много иллюстрированных детских вариантов повести Байкова на основе этих переводов. Произведения Байкова, изобилующие

подробнейшими описаниями животного мира и тайги Манчжурии и содержащие глубокий анализ взаимоотношений человека и природы, читают в Японии и по сей день.

В Японии было издано несколько сборников с переводами произведений писателей разных национальностей эпохи Манчжоу-го.

В 1943 г. в столице Манчжоу-го Синьцзине (ныне г. Чанчунь, столица провинции Цзилинь) издательство «Пять звезд» (「五星書林」) выпустило также сборник в переводе Кацуми Китао (北尾一水) «Рассказы писателей-белоэмигрантов» (『白系露人作家短篇集』). В него вошли 9 рассказов 8-ми русских писателей: Николая Байкова (2 рассказа), Константина Сабурова, Николая Амурского (псевдоним Н. Матвеева), Геннадия Наумова, Бориса Юльского, Арсения Несмелова, А. Карбоского, Фаины Дмитриевой.

Остановимся подробнее на нескольких рассказах из этого сборника, ставшего в наше время библиографической редкостью. В него вошли два рассказа Николая Амурского из книги «Уссурийские рассказы». Один из них, «Господин И Ху» повествует об дружеских и доверчивых отношениях между женой русского морского офицера и китайца по имени И Ху, продолжавшихся 20 лет.

Герой рассказа Геннадия Наумова «Золотые зерна», в детстве потерявший мать и воспитанный приемным отцом-китайцем, встречается с девушкой-метиской, которая на 2 года моложе его. Чтобы соединить свою жизнь с любимой, рожденной русской матерью-эмигранткой и воспитанной в китайских традициях, бедный юноша проходит через невероятные испытания, но в конце открывает новую золотоносную жилу.

Даже из краткого пересказа этих двух рассказов становится понятно, насколько специфической была тематика и насколько полны своеобразным местным колоритом произведения, созданные жившими в Манчжурии русскими писателями.

Можно упомянуть также рассказ Бориса Юльского «Конец Миирона Шабанова» о поселках староверов в Манчжурии. Об их возникновении в рассказе говорится, что в начале 1930 года группа староверов, собрав всех членов своих семей, домашний скот и предметы обихода перешла реку Амур и пришла в Манчжурию. По пути на берегу реки им пришлось сражаться с пограничниками. Повествуя об их жизни 10 лет спустя, автор пишет, что староверы продолжают вести такую же жизнь, как исстари, ни в чем не изменив своим привычкам. Манчжурские поселки староверов производили довольно странное впечатление: конечно, веяния стремительно развивавшейся

цивилизации чувствовались и здесь, но староверы принимали только самое необходимое для существования, решительно отменяя все лишнее, для того чтобы сохранить свою легенду. Этот рассказ, написанный в октябре 1942 г. (дата создания указана в конце), описывает жизнь староверов в первой половине XX века, – эта тема также является специфической для Дальнего Востока. Темы двух упомянутых нами произведений могли прозвучать только в литературе Дальнего Востока, но никак не в советской литературе той эпохи.

Таким образом, в отличие от литературы русской европейской эмиграции, которая до окончания Второй мировой войны была неизвестна в Японии, творчество русских писателей, живших в Китае, было представлено достаточно широко. Однако большого общественного интереса изданные сборники не вызвали, и сейчас трудно говорить о каком-либо отклике на это явление. Известно, насколько тяжело жилось русским писателям-эмигрантам в Европе, и это одиночество замкнутого мирка наверняка было знакомо и писателям дальневосточной эмиграции.